

Театральная газета 1937 г. № 4

Мед. журнал № 1937.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ДАТА

К столетию выступления П. С. Мочалова в „Гамлете“

22 января (ст. ст.) 1837 года на сцене московского театра была поставлена в первый раз в бенефис П. С. Мочалова трагедия Шекспира «Гамлет» в новом переводе Н. А. Полевого.

Мочалов «бросил в глаза наших новый свет на это создание Шекспира («Гамлет»), — писал В. Г. Белинский, восторженный и правдивый летописец этого спектакля. — Мы только теперь поняли, что в мире один драматический поэт — Шекспир, и что только его пьесы представляют великому актеру достойное его поприще».

Как передает Белинский, со стороны дворянской, привилегированной части зрителей по адресу великого артиста раздавались «холодные возгласы: Мочалов — мещанский актер: что за средства, что за рост, что за манеры, что за фигура и т. п.».

Именно от лица этого будто бы «мещанства», включавшего в себя первые отряды нарождающейся демократии, изнывавшей под гнетом николаевской реакции, Белинский делал знаменитые признания: «Зачем мы ходим в театр, зачем мы так любим театр? Затем, что он освежает нашу душу, завядшую, заплесневелую от сухой и скучной прозы жизни, мощными и разнообразными впечатлениями, затем, что он волнует нашу застоявшуюся кровью неземными муками, неземными радостями».

П. С. Мочалов в жизни.

П. С. Мочалов в роли Фингала («Фингал»).

примиримым врагом. Такой Гамлет смотрел в будущее — вместе с поколением, к которому принадлежали первенцы революционной демократии — Белинский, Герцен, Огарев и др.

Недаром сильнейшим моментом в игре Мочалова была сцена, когда Гамлет уличает короля в убийстве и обращает его своими обвинениями в позорное бегство. В этой сцене Мочалов-Гамлет был воплощенный гнев. В его исполнении «все дышало такой... силой, что кровь леденела в жилах у зрителей, и все эти люди разных званий, характеров, склонностей, образования, вкусов, лет и полов слились в одну огромную массу, одушевленную одною мыслью, одним чувством, притая дыхание, смотревшую на этого небольшого черноволосого человека с бледным, как смерть, лицом... Жаркие рукоплескания начинались и прерывались, недоконченные; руки поднимались для плесков и опускались обессиленные; чужая рука удерживала чужую руку; незнакомец запрещал изъяснение восторга незнакомцу — и никому это не казалось странным».

Так, по рассказу Белинского, отзывалась театральная толпа на сцену изобличения короля, проводимую Мочаловым с гневной силой: Гамлет дан здесь был торжествующим обличителем, готовым превратиться в прозного мстителя.

И не только в этой одной сцене, но и во всей роли Мочалов, по словам Белинского, «придал Гамлету гораздо более силы и энергии, нежели сколько может быть у человека, находящегося в борьбе с самим собою». Мочалов — с глубокой правдивостью, с исклю-

ми и открывает нам преображенный мир страстей и жизни».

Другой современник мочаловского «Гамлета», рисуя унылую и горькую атмосферу казенной николаевской Москвы, вспоминает: «Для выражения тяжких сердечных мук души, для изображения тоски безвыходной и трудной в Москве был тогда орган, могучий и повелительный, сам измученный страшными вопросами жизни, на которые ответов не находил, — это Мочалов»¹.

Гамлет Мочалова был его исповедью, отражением революции и скорби его личной судьбы, но в его покоряющих чувствах, в его искреннейших излияниях уместились терзания и скованные порывы первых поколений нарождающейся русской демократии. В Гамлете Мочалова жила не только безнадежная грусть «человека, для которого одного не осталось уже желаний», — в нем, по выражению Аполлона Григорьева, сверкало еще «энергическое негодование и презрение», он был «мстителем и горд». Такой Гамлет был не только человеком, молча презирающим настоящее, он был его бурным отрицателем, он был его не-

¹ П. Д. Студенческие воспоминания о Московском университете. «Отечеств. записки», 1859, № 1.

чительной отзывчивостью на тревогу и гнев своего поколения — представлял Гамлета находящимся и в другой борьбе — в борьбе с королем и его двором, олицетворяющим коварство и подлость прирожденных насильников.

Совершенно исключительный успех Мочалова-Гамлета сделал трагедию Шекспира в переводе Полевого любимейшей пьесой русского театра, нашедшей миллионного зрителя в столицах и глухой провинции. Этот зритель брал от «Гамлета» то, что хотел: сложную мелодраму, романтическое происшествие, философию в лицах, трагедию воли или повесть о героической борьбе, — но, что бы ни брал зритель и где бы ни смотрел он «Гамлета», в Москве или в захолустном городке, он неизменно встречался всюду с образом Гамлета-Мочалова. В десятках копий, удачных или неудачных, этот великий образ повторялся в исполнении трагиков, бравшихся за роль Гамлета.

К счастью для нас, образ Мочалова-Гамлета остался жить в знаменитой статье Белинского; эта статья — бессмертный памятник, воздвигнутый великому артисту великим энтузиастом театра.

Образ Мочалова-Гамлета остается близким и для нас, несмотря на то, что целый век отделяет нас от времени его создания. Ибо это образ высокой человеческой правды. Он включил в себя благороднейшие чувства, лучшие мысли и свободные устремления поколения Белинского и Герцена.

С. ДУРЫЛИН.